

блемы представляется то, что на отсутствие на законодательном уровне эффективных гарантий судебной защиты при тех или иных противоречиях гражданина с государственными органами отечественную правовую систему неоднократно упрекал Европейский Суд по правам человека.

Наличие действенных механизмов реализации права на доступ к правосудию, т.е. права каждого инициировать судебное производство в случае спора о его гражданских правах и обязанностях, является значимым индикатором развития правового государства. признавшего права и свободы человека высшей ценностью, в связи с чем обозначенная в настоящей статье проблема требует своего скорейшего разрешения.

Заметим, что преодоление значительной части законодательных пробелов, нередко выявляемых теорией и правоприменительной практикой, может и должно регулироваться на уровне разъяснений высших судебных инстанций, в частности Пленума Верховного Суда РФ¹, принятие которых, в отличие от процедуры законотворчества, позволит более оперативно и качественно направлять судебную практику.

Туралин В.Ю.,

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

УСЛОВИЯ НЕОБХОДИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДЕФИНИЦИЙ

Дефиниция дает каждому заинтересованному лицу огромный шанс для адекватного восприятия нормативного предписания, его однозначного толкования. Без разъяснения задействованных в законе терминов существует реальная угроза переоценки возможностей адресатов, для которых предназначен законодательный текст. Ведь в данном случае большинство нормативных установлений будет понятно, прежде всего, субъекту, обладающему определенной совокупностью юридиче-

---

¹ Немаловажное значение в этой связи имеют место постановления Пленума Верховного Суда РФ в системе российского права, определенное постановлением Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 №1-П: в российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами оказывает существенное воздействие на формирование судебной практики. По общему правилу, оно фактически – исходя из полномочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов – является обязательным для нижестоящих судов на будущее время.

ских знаний, а не обычному пользователю, познающему закон. Таким образом, субъект, занимающийся правотворческой деятельностью – формулированием законодательного текста, и объект, для которого данный текст предназначен, по сути будут являться одним лицом – специалистом, для которого доступна усложненная терминология закона.

Считаем, что это противоречит одному из главнейших принципов качества законодательного текста – его доступности для всех и каждого. Наше мнение основано, в частности, и на утверждении Ч. Беккариа о том, что «будучи не в состоянии судить о степени своей свободы или свободы своих сограждан, гражданин попадает в зависимость от кучки посвященных, поскольку такой язык законов, непонятный народу, превращает кодекс из книги всеми почитаемой и всем доступной в книгу квазичастную и доступную лишь для узкого круга лиц»¹.

Дефиниции играют одну из ключевых ролей в тексте любого закона, и прав В.М. Савицкий, указавший на то, что «дефинитивные нормы, может быть, и удлиняют законодательство, если иметь в виду чисто количественную сторону дела. Зато совершенно очевидно, что они в большей степени способствуют правильному пониманию и применению закона, а значит, улучшают качество и весь механизм правового регулирования»². Данное мнение было сформулировано в заочном споре с А.А. Ушаковым, обратившим внимание на то, что дефиниции «удлиняют и загромождают законодательство»³.

Отметим, что любая дефиниция, раскрывая основной смысл соответствующего понятия, выраженного конкретным термином, автоматически устраняет его латентность. При этом, безусловно, следует опасаться неадекватной множественности законодательных дефиниций. Каждое определение, используемое в законе, должно быть подкреплено и обосновано именно возможностью недопонимания адресатом смысла понятия, что может предопределяться новизной соответствующего термина, сложностью содержания или иными специфическими аспектами его употребления в конкретном законодательном акте. Отсюда и практически единое мнение ученых о необходимости выборочного, осторожного подхода к определению того или иного термина в законода-

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Правовая мысль: Антология. Авт.-сост. В.П. Малахов. М.: Академический проект, 2003. С. 267.

² Савицкий В.М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. М.: Наука, 1987. С. 64.

³ Ушаков А.А. Очерки законодательной стилистики. Часть 1. Содержание и форма в праве и проблемы законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 172.

тельном тексте. Об этом, в частности, пишет Г.Т. Чернобель, обосновывая тезис о том, что «излишние дефиниции не нужны в законодательстве»¹. На этот же факт обращают внимание В. Кнапп и А. Герлох, указывая, что «иногда при наличии чрезмерного количества определений и при небрежной их выработке, значение определения может стать парадоксальным: чем больше понятия определяются, тем менее ясными они являются»². Обоснованно категорична во мнении и Е.А. Юртаева, отмечая, что «в федеральных законах навязываются определения общеупотребительных слов и выражений, при этом чаще всего бывает, что включение их в текст закона преследует не практическую цель – обеспечить содержательное восприятие текста, а оформительскую, «экстерьерную» – снабдить текст закона дефинициями, не несущими какой-либо дополнительной содержательной, нормативной, иной полезной нагрузки»³.

Поэтому, очевидно, что количество законодательных дефиниций не должно быть чрезмерным. Необходимо повышенное внимание субъектов законотворческой деятельности к тому, какие термины разъясняются в тексте закона, а самое главное, как они интерпретируются. Соответственно, в некоторых законах вполне возможно обойтись без определений общеизвестных терминов, которые не меняют своего первоначального смысла в новых условиях. В этой связи, востребованным является формулирование условий необходимости использования дефиниций в конкретных законодательных случаях.

Во-первых, считаем, что следует определять, прежде всего, основополагающие для соответствующего законодательного акта термины, которые имеют системообразующий характер, являются «ядром» используемой в законодательном акте терминологии. Например, для Федерального закона «Об экспортном контроле»⁴ такими терминами являются «внешнеэкономическая деятельность», «экспортный контроль», для Федерального закона «О саморегулируемых организациях»⁵ – это

¹ Чернобель Г.Т. Правовые понятия и их применение в законах / В кн.: Законодательная техника. Научно-практическое пособие. М.: Городец, 2000. С. 83.

² Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании. М., 1987. С. 279.

³ Юртаева Е.А. Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журнал российского права. 2006, № 5. С. 18.

⁴ Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3774.

⁵ Федеральный закон от 01 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

термины «саморегулирование», «саморегулируемая организация» и т.д.

Во-вторых, необходимо давать определения собственно юридическим терминам, а также специальным терминам, заимствованным из других областей знания. Особенно тем, которые являются новациями для языка российских законов. Данное положение следует воспринимать априори, поскольку всякое специальное слово, внедренное в законодательный текст, требует своего немедленного пояснения. Большинству заинтересованных пользователей трудно было бы без дефиниций правильно уяснить для себя смысл таких специальных юридических терминов, как «аваль», «суброгация» (определения даны, соответственно, в ст.ст. 881 и 965 Гражданского кодекса Российской Федерации), «диспач», «диспаша», «диспашер» (дефиниции изложены в ст.ст. 133 и 305 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации), а также таких терминов других областей знания, используемых в юридическом языке, как «конверсия радиочастотного спектра», «трафик» (определения представлены в ст. 2 Федерального закона «О связи»¹) или, например «калибровка средств измерений», «эталон единицы величины» (дефиниции содержатся в ст. 2 Федерального закона «Об обеспечении единства измерений»²).

В-третьих, всякая множественность актуализации понятия также должна считаться весомой предпосылкой для введения дефиниции, указывающей, в каком именно значении данное понятие следует воспринимать в соответствующем законодательном контексте. В данном случае, любая возможность неадекватного восприятия понятия, выраженного соответствующим термином, должна пресекаться с помощью законодательного определения.

В заключение настоящей статьи отметим, что при решении вопроса о необходимости определения понятия, выраженного соответствующим термином, следует объективно оценивать потребности законодательного текста, учитывая даже малейшую возможность недопонимания его смысла пользователями. Если же риск неадекватного восприятия содержания понятия есть, то необходимость в дефиниции, с нашей точки зрения, очевидна.

---

¹ Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

² Федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» // СЗ РФ. 2008. № 26. Ст. 3021.